

Пока Чи Мэй не дошел с зажженной свечой до одной из стен, Тао Шаньцзэ лишь изумленно ахнул.

На стене, от пола до потолка, красовалась фреска. Краски уже выцвели, но угадывалось, что каждая линия была выведена с тончайшим мастерством: закручивающиеся облака образовывали великолепный узор, несомненно, созданный рукой непревзойденного мастера.

Среди них выделялась женщина с прической мальчишеского типа, с точеными чертами лица и нежным выражением глаз. Ее одежды казались невесомыми, а в руках она держала огромный букет цветов. Даже сквозь время в ней легко угадывалась прекрасная дева.

— Кхе-кхе... — Тао Шаньцзэ вздрогнул. Чи Мэй поднял свечу, направляясь на звук кашля. Только сейчас они заметили, что у подножья статуи Будды, скрестив ноги, сидит старый монах.

— Вы кто? — Тао Шаньцзэ показалось, что эта сцена до странности знакома.

— Вы ведь направляетесь в столицу на экзамены? — спросил монах. С виду он казался безумцем, но говорил весьма складно.

Дождь на улице все не прекращался, однако запах крови стал гораздо слабее, сменившись ароматом сырой земли и молодой травы. Время от времени вспыхивали молнии, заливая убранство храма то мертвенно-белым, то непроглядно-черным светом.

Тао Шаньцзэ мысленно все понял: он сообразил, что они снова угодили в мир Ляочжай, вот только где именно они находились, оставалось загадкой.

— Да, мы с моим другом зашли укрыться от дождя.

— Какой еще друг?

Тао Шаньцзэ остолбенел. Он обернулся — Чи Мэй пропал без следа, а на земле одиноко стояла та самая свеча.

— Где Чи Мэй? — Тао Шаньцзэ охватила беспричинная паника. Он повернулся к фреске и с ужасом заметил, что на ней, кажется, стало на одну женщину больше.

— Молодой господин, что вы здесь застряли? Дождь прекратился, идемте скорее. — Человек в одежде слуги подошел и взял Тао Шаньцзэ за руку.

И впрямь: снаружи уже рассвело, погода стояла великолепная.

— Молодой господин, в этот раз по прибытии в столицу непременно нужно отведать вина и еды в Таоцзуйлоу. Кстати говоря, говорят, в столицу прибыла знаменитая куртизанка. Вы же обещали сводить меня посмотреть на нее?

Тао Шаньцзэ кивнул. Оглядев свой наряд ученого, он счел его несколько неуместным, но странное чувство тут же рассеялось, сменившись полнейшей уверенностью:

— Разумеется. Благородному мужу подобает наслаждаться обществом красавиц.

Окраина, где они находились, располагалась совсем близко к городским воротам. Благодаря быстрому шагу к наступлению темноты они уже добрались до Таоцзуйлоу, однако их целью были не угощения, а знаменитый Мэйжэньфан при этом заведении.

Слуга оставил дорожный сундук в постоялом дворе:

— Молодой господин, подождите немного, я отойду по нужде.

Тао Шаньцзэ кивнул. Комната казалась душной, и он распахнул окно. Оно выходило во внутренний дворик, где тускло мерцали светильники, наполняя воздух тяжелым ароматом пудры.

Едва он достал свитки, намереваясь повторить пройденный материал, как до его слуха донесся плач. Звук прерывался, выдавая крайнюю, сдавленную степень отчаяния.

Учеба тут же вылетела у него из головы. Оперевшись на оконную раму, он без труда выпрыгнул наружу и на звук плача направился к запертой двери.

Стоило прижаться ухом к щели, как рыдания внутри стихли, и раздался нежный, чуть дрожащий голос:

— Кто там?

Этот голос звучал подобно пьянящему вину, окутывая ночную прохладу дымкой. Сердце Тао Шаньцзэ сладко заныло, пробуждая в нем тягу к изысканным романтическим приключениям.

— Из-за чего девица оказалась заперта здесь?

— Молодой господин, что вы здесь делаете?

Налетевший порыв ветра принес густой запах пудры. Обернувшись, Тао Шаньцзэ увидел старую сводню в розовом платье.

— Это задний двор наших девиц. Если молодой господин желает послушать музыку, в Мэйжэньфане полно девушек, которые готовы услужить.

Тао Шаньцзэ выпалил:

— Мне нужна она.

Пусть он еще не видел лица этой девушки, но один ее голос пробирал до костей, лишая воли. Имевшихся при нем серебряных монет вполне хватило бы, чтобы выкупить право хотя бы взглянуть на нее.

— Молодой господин, не спешите. Эта девчонка — еще совсем дикарка, незнакомая с мужчинами. Вот мы и заперли ее в каморке для дров, чтобы сбить с нее спесь. Если молодой господин и вправду так увлечен, ее можно выкупить. — Сводня была уверена, что у Тао Шаньцзэ не хватит на это денег; к тому же, даже если бы они у него нашлись, ему еще предстояло держать экзамены, а таскать за собой девицу — лишь лишняя обуза.

И действительно, на лице Тао Шаньцзэ отразилось колебание:

— Я...

— Молодой господин! — раздался из каморки отчаянный возглас. В щель просунулся шелковый платок, от которого исходил легкий аромат. — Меня зовут Байхэ, я жду вас, молодой господин.

Годами просиживая за книгами в одиночестве, Тао Шаньцзэ мечтал лишь о гареме, полном жен и наложниц, и о понимающей спутнице рядом. Не найдя иного выхода, он был вынужден пока отступить.

Вернувшись в комнату, он только и думал, что о чарующем голосе той женщины.

— Молодой господин, беда, беда! — Слуга с размаху распахнул дверь, с ужасом глядя на Тао Шаньцзэ.

— Чего ты орешь? Сядь и толком расскажи, что стряслось, — холодно бросил Тао Шаньцзэ, пряча за пазуху платок, переданный Байхэ через щель.

— Госпожа приехала!

Не успел слуга договорить, как в комнату вошел молодой мужчина в синем халате с нефритовым венцом на голове. Он знаком велел слуге выйти, а затем отвесил почтительный поклон:

— Здравствую, муж мой.

Тао Шаньцзэ люто ненавидел этого своего мужа-мужчину. Если бы не помешательство его матушки, поверившей бредовым речам даоса о том, что для успешной сдачи экзаменов ему необходим супруг-мужчина, он бы даже не взглянул на него.

В брачную ночь он демонстративно взмахнул рукавом и ушел, оставив того коротать ночь в одиночестве.

Мужчина — он ведь ни детей родить не может, ни изящной гибкостью стана не обладает. К тому же эта прилипала следовала за ним по пятам, куда бы он ни направился.

— Зачем ты приперся? — холодно бросил Тао Шаньцзэ.

Чи Мэй лишь подобострастно улыбнулся:

— Это все матушка. Она испереживалась, что благоверному некому будет услужить в столице, вот я и примчался сюда сломя голову.

— Ты и впрямь во всем ее слушаешься. Я велел тебе проваливать — почему ты до сих пор здесь?

Эти слова прозвучали довольно жестоко. Подол синего халата Чи Мэя был покрыт дорожной пылью — он мчался без отдыха, а по прибытии вновь столкнулся лишь с ледяным приемом своего мужа.

Приближается поле боя Ляочжая.

Муж-супруг идет на повышение.

Слуга стоял снаружи, прижавшись к замочной скважине и прислушиваясь к звукам в комнате. Его сердце терзала тревога — ему было искренне жаль Чи Мэя. Он не знал, страдала ли Чи Мэй мазохизмом с рождения, но за год с лишним их брака, что бы ни говорил Тао Шаньцзэ, Чи Мэй во всем ему подчинялся. Даже сталкиваясь с жестокими словами, он неизменно улыбался, никогда не жаловался на тяготы и был готов выполнить любое поручение.

Порой слуга и сам не мог на это смотреть, но Чи Мэй, казалось, даже находил в этом удовольствие. В конце концов слуга пришел к выводу, что Чи Мэй наверняка польстился на знатное происхождение и богатства семьи Тао Шаньцзэ: даже если бы тот не сдал экзамены, их золота и серебра хватило бы с лихвой.

Вскоре из комнаты донесся глухой стук падающего тела. Судя по всему, молодой господин

снова принялся тешить свое самолюбие, используя высокое положение для давления на Чи Мэй. Слуга мысленно вздохнул с сожалением, но изменить ничего не мог — в конце концов, это дело касалось лишь мужа и жены, и лезть туда он не смел. Единственное, что оставалось в его силах, — это раздобыть мазь от синяков и ушибов, чтобы залечить раны господина.

В тесной комнатке постоялого двора Чи Мэй по-прежнему с удивительной покорностью подошел ближе и опустился на колени перед Тао Шаньцзэ, прильнув лбом к его коленям:

— Муж мой и впрямь хочет прогнать меня?

— Да! — процедил сквозь зубы Тао Шаньцзэ. — Я видеть тебя не могу ни единой секунды.

Не тут-то было: Чи Мэй не выказал и тени испуга. Улыбаясь, он медленно поднялся, поправил растрепавшиеся волосы Тао Шаньцзэ, распустил его пояс, перехватил запястья и вскинул их над головой:

— И как же ты можешь так ранить мое сердце, муж мой? Мои мысли заняты лишь тобой одним. Узнав, что ты уехал в столицу, я ночей не спал, боясь, что какая-нибудь лисица утащит твою душу.

— Да кто тут спать не мог?! — Тао Шаньцзэ извивался всем телом под его хваткой, но пространства для маневра почти не оставалось.

Фитиль светильника потрескивал, воск оплывал к основанию, заливая комнату мягким желтоватым светом.

— Что за глупости ты говоришь, муж мой? Раньше мы путали день с ночью вовсе не из-за усталости, а в особенности из-за тебя. Сможешь ли ты теперь заснуть по ночам без меня?

Чи Мэй прижался лбом ко лбу Тао Шаньцзэ, полностью нависая над ним.

— Спал прекрасно, да так, что с радостью ночевал бы вне дома хоть каждый день! — свирепо глядя на него, бросил Тао Шаньцзэ.

— Так бы сразу и сказал, муж мой. Вне дома — значит вне дома. Впредь все свои желания рассказывай мне, иначе я и не знал, что ты такой искушенный, — с улыбкой произнес Чи Мэй. Одной рукой он по-прежнему удерживал запястья Тао Шаньцзэ, а второй уже распустил воротник его одежды, скользя пальцами вниз по гладкой коже.

— То ли я слишком сильно люблю тебя, то ли и вправду хочу проглотить тебя целиком, — приговаривая это, Чи Мэй подхватил Тао Шаньцзэ на руки и перенес на ложе.

Тао Шаньцзэ был готов залепить ему пощечину:

— Чи Мэй, проваливай!

— Давай покатаемся на кровати?

— ...Ты... — Обессиленный Тао Шаньцзэ полностью обмяк в его объятиях. Его глаза уже подернулись влажной пеленой, пока в мыслях он клялся заставить наглеца простоять на коленях три часа кряду.

Свечу задули, полог кровати опустился. Они предавались страсти до самого рассвета, и хотя Тао Шаньцзэ тоже получал удовольствие, вид у него при этом был свирепый, словно он готов был сожрать обидчика заживо. Чи Мэй же, несмотря на тяжелую дорогу, пыхал неиссякаемой энергией:

— Плодородная нива простаивала без влаги столько дней... Как супруг, я просто обязан проявить заботу о муже...

— Проваливай... — стонал Тао Шаньцзэ, но договорить не успел: из коридора донесся страшный шум и переполох, словно начался форменный хаос.

— Беда, молодой господин, откройте дверь, умоляю, беда! — В самый разгар их близости слуга принялся неистово барабанить в дверь, истошно вопя.

Лицо Тао Шаньцзэ пылало от стыда, а теперь смущение достигло предела:

— Отпусти меня немедленно.

Однако голос Чи Мэй прозвучал низко и глухо. В его глазах уже не осталось и следа похоти — лишь редкие капли пот стекали по лицу:

— Не открывай дверь. Ты знаешь, кто там стучит?

О, наконец-то всё закрутилось! Как только Тао Шаньцзэ проснётся, я обязательно насыплю ему кошачьего корма (с серьёзным лицом). Спасибо маленьким ангелам, которые отправляли мне багряные билеты или питали питательную жидкость в период с 2020-05-20 16:38:12 по 2020-05-21 22:25:37!

Спасибо маленькому ангелу, который поливал питательной жидкостью: Су Юй — 1 флакон.

Большое спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

Брать наложницу

Едва голос Чи Мэя смолк, взгляд Тао Шаньцзэ слегка потемнел, но хватка любовника не ослабла — напротив, толчки стали еще яростнее. Тао Шаньцзэ уже не в силах был сопротивляться, да и расспрашивать о причинах времени не оставалось: накатила тяжелая усталость, и он, потеряв контроль над собой, погрузился в глубокий сон.

Когда он снова открыл глаза, за окном стоял белый день, а Чи Мэй мирно спал рядом.

Тао Шаньцзэ приподнялся на ноющих руках и, вспомнив события минувшей ночи, решил позвать слугу. После двух окликов тот явился с изрядным опозданием и крикнул из-за двери:

— Молодой господин звал?

— Принеси таз с водой умыться, — бросил Тао Шаньцзэ, кутаний в одежду. Бросив взгляд на Чи Мэя, он не удержался от злости. Тот спал неподвижно, уткнувшись половиной лица в одеяло, а из-под сомкнутых век виднелись густые ресницы, похожие на крылья ворона. В этом безмятежном облике не осталось и следа вчерашней грозной властности, но от этого Тао Шаньцзэ бесился еще сильнее: находиться в подчиненном положении само по себе было страшным позором, а уж мужчине-супругу — и вовсе невыносимо.

Тао Шаньцзэ усмехнулся про себя: придет день сдачи экзаменов, и тогда он официально укажет этому паразиту на дверь, а пока пусть потешится.

Он с силой ударил правой ногой, пытаясь сбросить мужа вместе с одеялом. Раздался глухой стук — падение на пол должно было оказаться болезненным, но Чи Мэй продолжал спать как ни в чем не бывало, лицом всё так же уткнувшись в постель, так что удар пришелся точно в мягкое пуховое перину.

Как раз в этот момент вернулся слуга с водой и громко возвестил:

— Молодой господин, я вхожу.

Тао Шаньцзэ глухо угукнул, дождавшись, пока тот внесет таз, и тут же спросил:

— Почему ты вчера не вошел сразу, когда я звал?

— Так я же заходил вчера, — деловито ответил слуга, готовя полотенце и проверяя температуру воды в тазу на столике у кровати.

— Я не о дне спрашиваю. Разве ты не говорил вчера, что стряслась беда? И я ведь слышал какой-то шум снаружи, что это было?

Тао Шаньцзэ не спешил умываться; он подозрительно оглядел слугу, заметив, что тот ничем не отличается от обычного. Но ведь прошлой ночью он и вправду ничего не знал! Охваченный тревогой, он не мог принять решение.

— Вчера ничего не было, я спал крепким сном и никаких звуков не слышал, — уверенно заявил слуга.

— Ладно, ступай, — кивнул Тао Шаньцзэ и махнул рукой, отпуская его.

С тех пор как они прибыли в столицу, зрение его словно ухудшилось: то и дело двоилось в глазах, все казалось размытым. Вот и сейчас, глядя на слугу, он видел его в двух экземплярах. Потерев глаза, он окинул взглядом убранство комнаты — на сей раз всё встало на свои места, и он успокоился.

— Муж мой, тебе не кажется, что твой слуга ведет себя странно? — Чи Мэй протер глаза и поднялся с постели, обнажив торс и кутаясь лишь в одеяло. При этом он нарочито приоткрыл плечо. Тао Шаньцзэ от такой картины чуть глаза не выжгло, и он резко бросил:

— Ну-ка поведай, что в нем странного?

— Ревную, когда он на тебя смотрит. Как насчет того, чтобы заменить его каким-нибудь дедушкой? — хихикнул Чи Мэй.

Тао Шаньцзэ снова занес ногу для пинка, но на этот раз Чи Мэй крепко перехватил его ступню:

— Ах, муж мой, за что же ты вечно бьешь меня?

Тао Шаньцзэ фыркнул:

— Раз уж ты мой супруг, то обязан блюсти супружескую добродетель, я считаю.

Слова эти были сказаны на полном серьезе. Изначально Тао Шаньцзэ не собирался их произносить, но постоянные провокации Чи Мэя переходили все границы — ему непременно нужно было уязвить наглеца.

— Что ж, раз муж мой так желает, впредь мы будем делить всё поровну, так что позволь мне отныне самому отбирать людей для тебя.

Чи Мэй ничуть не растерялся, приняв самый безобидный вид — словно мягкая глина, из которой можно лепить что угодно. Если бы не память о вчерашнем образе грозного властелина, Тао Шаньцзэ, пожалуй, даже поверил бы ему.

Наградив его свирепым взглядом исподлобья, Тао Шаньцзэ приступил к умыванию. Протянув руку за полотенцем, он обнаружил, что Чи Мэй уже держит его перед ним — с донельзя покорным выражением лица:

— Муж мой, все же стоит быть осторожнее с тем, что приносит слуга. Помнится, вчера он уверял, будто ничегошеньки не помнит?

— Разве ты сам не слышал его слов? Он никогда не лжет.

Утерев лицо, Тао Шаньцзэ уселся перед бронзовым зеркалом и принялся разглядывать отчетливый след от зубов на коже — там даже проступили капельки крови, зубной узор отпечатался слишком четко.

— Чи Мэй, ты что, в прошлой жизни собакой был?

— Что за глупости, муж мой? Я, разумеется, твой личный пес, — проигнорировав взгляд, которым Тао Шаньцзэ готов был его сожрать, продолжил Чи Мэй. — Но если он утверждает, что спал без задних ног, то кто же стучал в дверь посреди ночи? Человек или нечто иное?

Его голос прозвучал зловеще, а последняя фраза была протянута так зловеще, что Тао Шаньцзэ передернуло от озноба перед зеркалом.

— Ладно, давай не об этом. Скажи лучше, привез ты с собой достаточно серебра, когда ехал в столицу?

В мыслях Тао Шаньцзэ по-прежнему звучал плач Байхэ. То, что он не спас ее вчера, было его ошибкой, и сегодня он во что бы то ни стало должен был исправить оплошность.

— Разумеется, матушка снарядила меня щедро.

Пока Чи Мэй неторопливо одевался под его взглядом, в его плавных движениях проскальзывало нечто женственное, но из-за мужественной, плотной мускулатуры это походило на нелепое подражание — в нем не было ни капли истинной мягкости, а мощная энергетика словно прорывалась сквозь слои одежды прямо перед Тао Шаньцзэ.

— Муж мой, это все деньги, что у меня есть. Расходуй их с умом, в конце концов, до экзаменов еще несколько дней, нам нужно прожить их с комфортом.

Тао Шаньцзэ холодно фыркнул, но на душе у него ликовало: наконец-то он сможет вызволить возлюбленную из логова демонов.

Слуга все еще ждал снаружи. Теперь вид этого парня казался Тао Шаньцзэ подозрительным,

поэтому он строго-настрого приказал ему сидеть в комнате и никуда не отлучаться. Слуга изобразил растерянность и обиду, но спорить не стал и послушно заперся у себя.

Мэйжэньфан располагался аккуратно за постоянным двором, где они остановились.

Словно две стороны одной улицы: парадный фасад пестрил ярким макияжем наложниц и их ослепительными улыбками, а тыльная сторона представляла собой ничем не примечательный закоулок с двумя белыми фонарями, тоскливо висящими над входом.

Когда Тао Шаньцзэ заселялся в гостиницу, он не обратил на это внимания — в вечерних сумерках свет фонарей казался уютным и мягким. Но при дневном свете все выглядело странно: перед входом пусто, прохожие спешат мимо стороной.

Проведя Чи Мэя за угол, он вышел к переулку, где располагался Мэйжэньфан. Днем эта улица бурлила от голосов, торговцы предлагали фрукты, а сам дом удовольствий казался затянутым тончайшей вуалью, в тишине ожидающей своего часа.

— Должно быть, это крупнейший квартал красных фонарей в городе. Муж мой, я слышал о нем еще раньше и как раз хотел заглянуть, — едва успел произнести Чи Мэй, как, не дожидаясь ответа, резво шагнул внутрь. Его тут же обступила толпа девиц в алых платьях, наперебой зазывающих молодого господина.

В груди Тао Шаньцзэ закипела ярость: он привел его сюда ради выкупа пленницы, а этот негодяй ухитрился устроить поход в публичный дом! Вернувшись, он непременно задаст ему трепку. Однако сейчас закатывать сцену на людях он не мог, поэтому лишь последовал за толпой женщин на второй этаж, окруженный общим вниманием.

Вчерашняя хозяйка заведения — старая сводня — прекрасно помнила Тао Шаньцзэ, но на этот раз ее лицо скривилось в неестественной, не предвещающей ничего хорошего полуулыбке.

Днем в Мэйжэньфане толпилось мало народу, и сводня из кожи вон лезла, пытаясь уговорить Тао Шаньцзэ заказать вина и закусок. Тот оставался непреклонен и восседал на почетном месте с независимым видом. Тем временем Чи Мэй всю любезничал с какой-то девицей, смеясь и позволяя ей кормить себя виноградом. Не выдержав, Тао Шаньцзэ громко кашлянул, а заметив, что Чи Мэй и не думает останавливаться, рявкнул:

— Мужчина — глава семьи, неужто тебе неизвестно это правило?

При этих словах все присутствующие замерли в изумлении. Обычай заключать браки, где мужчина занимает положение жены, существовал, но по одному взгляду на Чи Мэй никак нельзя было заподозрить в нем «жену». Сидевшая рядом с ним девица оцепенела, не зная, куда девать руку, лежавшую на его груди. Чи Мэй же остался совершенно невозмутим:

— Не гневайся, муж мой, разве я не подыскиваю тебе достойную пару?

С этими словами он все же отпустил остальных девушек, оставив лишь старуху-сводню. Лицо сводни посерело; повидавшая виды, она прекрасно понимала по одежде посетителей, что перед ней сынки из знатных семей, обладающие средствами для выкупа Байхэ, однако ситуация складывалась крайне щекотливая:

— Не вините меня, молодой господин, я знаю, зачем вы пожаловали, да только вчера вечером Байхэ уже приобрел в наложницы сам господин министр. Уж больно спешил министр, мы никак не могли отказать...

Не успел Тао Шаньцзэ вспылить, как Чи Мэй возмущенно закричал:

— Что за вздор ты несешь?! Да разве нашему мужу нужна какая-то одна Байхэ? Любую другую девицу подай — любая его!

Сводня бросила косой взгляд на Чи Мэй, окончательно запутавшись в их странных отношениях. Обычно в таких союзах «жены» за глаза крыли мужей обидами, а этот муж-супруг радовался больше самого хозяина.

Тао Шаньцзэ глубоко вздохнул. Ему была нужна именно Байхэ — на прочих заурядных девиц он и смотреть не хотел, а этот голос не давал ему покоя.

— Послушай, так дела не делаются, — нахмурился он. — Я первый положил на нее глаз, с какой стати ты отдала ее другому?

Сводня виновато заулыбалась:

— Знаю, моя вина. Но у нас есть и другие писанные красавицы, не соизволите ли пройти во внутренний двор?

Это заявление лишь раззадорило Тао Шаньцзэ:

— Другие мне и даром не нужны. Где особняк министра? Веди меня туда, я лично с ним потолкую.

В этот момент с улицы донеслись надрывные, полные отчаяния крики. Тао Шаньцзэ мгновенно узнал голос той женщины и, резко вскинув голову, бросился на звук. И действительно: на улице двое стражников в официальных мундирах волокли девушку в простых белых одеждах, а та отчаянно сопротивлялась, выражая готовность скорее умереть, чем сдаться.

— Отпустите ее! — взревел Тао Шаньцзэ и, потеряв рассудок от ярости, бросился вперед. Пусть

он пострадает сам — стерпится, но потерять свою любовь он не мог.

Чи Мэй с побледневшим лицом наблюдал, как тот ввязался в драку с двумя крепкими стражниками. Вчерашняя усталость давала о себе знать, и Тао Шаньцзэ явно проигрывал. Не желая смотреть, как избивают его мужа, Чи Мэй выхватил меч и изящным прыжком сорвался со второго этажа. Его клинок сверкнул молнией, срезав несколько летящих прядей волос. Стражники отпрянули от неожиданности, но в следующее мгновение ударом ноги были повержены на землю.

— Вы смеее чинить препятствия самому господину министру! Советую вам хорошенько взвесить, кто вы такие.

Оценив сверкнувший в руке Чи Мэя клинок, стражники мгновенно растеряли всю спесь и бросились наутек.

Стоявшая рядом сводня едва не рыдала:

— Ой, молодой господин, да что же вы творите! Ее милость министр уже выкупил, а вы теперь что же — грабежом среди бела дня занимаетесь?

<http://bllate.org/book/22407/2352261>